

О том, как он начал рисовать, пережил землетрясение в Спитаке и объехал полсвета

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1601>

3 июня 2013

Собеседник

Табулинский Валерий Дмитриевич

Ведущий

Озерова Екатерина Густавовна

Дата записи

Беседа записана 3 июня 2013 и опубликована 20 марта 2014.

Введение

Художник вспоминает о том, как начал рисовать и, будучи школьником, получил за портрет Ленина первую денежную премию. В шестнадцать лет — вольнослушатель в Фрунзенском художественном училище, затем — Институт имени И.Е. Репина при Академии художеств СССР. Валерий Дмитриевич подробно вспоминает годы учебы и преподавания, а также работы по росписи, мозаике и витражу в десятках городов СССР, а после открытия границ — и в других странах.

Увлечение рисованием в детстве

Екатерина Густавовна Озерова: Хочу просить тебя вспомнить свое детство. Где ты родился, откуда родом? Кто твоя мама?

Валерий Дмитриевич Табулинский: Родился я в горах в Киргизии в 1940 году. Я видел папу, маму, бабушку... козу. Это было очень интересное время. Но проходит год, начинается война, Великая Отечественная. Папу мы провожали, помню даже, когда провожали. Помню, как украли у нас эту козу. Помню, как после этого пошел в детский сад — с криками, с руганью, с кулаками. Но там меня посадили за стол, за круглый. И не одного, а всех. Пятьдесят человек. Через пятнадцать минут никого не осталось, кроме меня.

Глаза у меня просто горели, когда я увидел краски. Они были на картоночке, типа палитры старой. Но то, что мне дали, — это хорошо. И я от жадности и любви к искусству собрал все, уложил подмышку и унес домой. Вот так я стал художником.

Е.О.: И это было начало?

В.Т.: Это было прекрасное начало! И меня было не остановить! Я писал Сталина, Пушкина любил, все эти круглые завитки, кудряшки. Это меня волновало все время.

Е.О.: Это в каком возрасте было?

В.Т.: Уже пять-шесть лет, когда я начинал. А когда пошел в школу, мне дали задание нарисовать «Три богатыря» и сделать книгу «Родная речь». Это была огромная коробка, и на ней три богатыря. Я справился великолепно! Это публично показали всем ученикам на торжественной линейке. Прекрасное воспоминание! После этого от слова «художник» я не отказывался никогда.

Е.О.: То есть уже был художник?

В.Т.: Да. Ко мне обращались все! Сначала в школе: я там все выполнял. Потом, после училища, я вернулся в эту же школу, потому что там были родные учителя. Они знали, что этот человек умеет не только черчением заниматься и рисовать. Он может все! И я выполнял работу бесплатно. Были холсты громадного размера: Новый год, 1 мая, 7 ноября. Все это очень украшало школу, и мне за это дали грамоту почетную. И наша школа зацвела, занимала всегда первое место. Я был даже на конкурсе Ленина. Я, шутя, взял и нарисовал Ленина — очень неплохо. Его отправили в Москву, и за него я получил семьдесят пять рублей.

Е.О.: Большие деньги тогда. Почти зарплата.

В.Т.: Да, это было ученику за его талант вознаграждение. И здесь я понял: надо все делать, бояться ничего не надо. После этого я училище закончил. Преподавали великолепно! Я великолепно знал черчение. Но все свободное время ходил на природу и общался с ней. Думал об академии, чтобы получить высшее образование.

Поступление и учеба в художественном училище

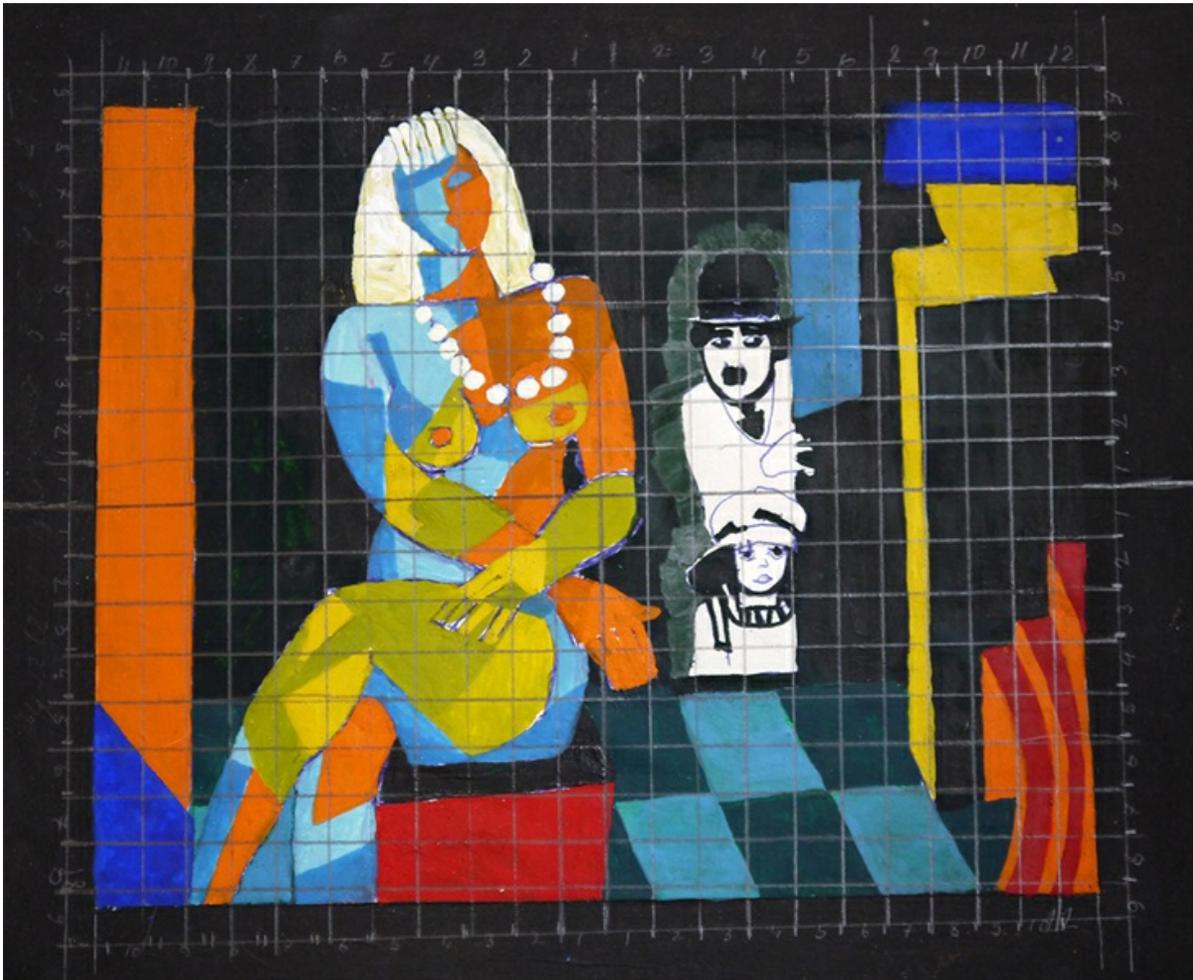
Е.О.: Валера, а как ты попал в училище? Не расскажешь?

В.Т.: В училище меня просто повезла тетя, которая приехала к нам в гости. Тетя Дуся.

Е.О.: Как называлось место, где ты жил? Оно в горах было?

В.Т.: Город Ош, в горах, в котловине. И Сулейман-гора — святая гора с мечетью. Я поднимался, с большим трудом попал в мечеть, потому что мы пошли другим путем — сложным. А дети маленькие, обувь была резиновая, даже не резиновая, а кожаная, скользила по скале. Ноги, когда скользят — опасно, можно сорваться. И у меня это произошло, я сорвался. Но я был такой цепкий, что схватился руками за камень, сказал: «Помогите мне!» Меня вытащили, после этого я туда больше не поднимался. Но красиво там было, безумно красиво!

Е.О.: Ты еще рассказывал про реставраторов, которые приезжали, и как ты смотрел на их работу. Какую-то церковь реставрировали там у вас художники.

Чарли Чаплин на Красном море

В.Т.: Там было много чего интересного, где я подсматривал.

” Я любил, когда люди своими руками творили, писали картины, неважно какие. Я подходил, и восхищался, и завидовал, просто завидовал им. Но не такая зависть была, а именно, что у них это есть, а у меня нет.

Тогда и началась борьба за будущее. Я решил подготовиться. Написал кучу работ с натуры, пейзажи в основном: речка, горы.

Е.О.: Это уже после училища?

В.Т.: После училища.

Е.О.: То есть тетя привезла тебя.

В.Т.: Она привезла во Фрунзе, в то время назывался город Фрунзе. И поселила у себя, потому что я получал за отца (отец погиб) пенсию триста рублей. Эти деньги присылала мама туда, чтобы рассчитаться с тетей, чтобы не на халяву. И я ходил пешком через железную дорогу в это училище. Сразу меня не приняли. Сказали: «Он еще не готов. Он много копировал». Я копировал много.

Е.О.: Тебе сколько лет было?

В.Т.: Мне было тогда пятнадцать лет. На шестнадцатый я поступил, не поступил даже, а меня приняли вольнослушателем. Допустили: «Посмотрим, что будет дальше». И когда был обход в середине года, то мои работы лучше смотрелись, чем у других поступающих. Они говорят: «Ну вот, куда его? Он же лучше всех. Принять его!» Пошел к директору (он был киргиз), написал заявление, и меня приняли. Вот так я стал студентом Фрунзенского художественного училища.

Е.О.: А какое отделение?

В.Т.: Отделение общее: черчение, рисование, живопись. Все вместе. Но училище со временем менялось. Мы в общежитии и спали, и рисовали, и танцевали. Это было очень интересное время, но годы быстро пролетели!

Приходил ко мне (я был на пятом курсе) сам Чуйков Семен Афанасьевич. Когда он посмотрел и отошел, мне лично ничего не сказал, но я слышал, как он говорил Безиковичу: «Этот в будущем сильный будет художник. У него красивый цвет. Чувствует цвет». «Обнаженную» я писал как раз. Потом слышал через окно (они шли мимо аудитории), тоже обо мне разговор. Дальше уже не знаю, о чем они говорили. Но после этого я на Чуйкова глаз положил. Все время следил за ним, за его работами, за жизнью. И мечтал быть похожим на него.

Обучение в Академии художеств

Потом поехал в академию поступать. Здесь мне повезло! Когда я поступал, были такие сильные, красивые ребята: бороды, костюмы, всё. А я в рубашечке белой — мальчик пришел. Мне было тяжело очень. Я подумал: «Наверно, не поступлю!» А мой товарищ, высокого роста, крепкий, говорит: «Не переживай! Самое главное — работай. Работай!» И я работал. Смотрел на другие работы, как их делают. Проходит некоторое время — половина из них исчезли. Куда делись, не знаю, и почему. А я продолжал работать. Новая постановка, новое обрамление, рисунок. Рисунок, правда, у меня что-то тяжело шел. Как-то я его особо не любил.

Е.О.: Это уже когда поступил или при поступлении?

В.Т.: При поступлении. Меня это немножко волновало. И тогда я сделал ставку на композицию. Здесь большой выбор! Я сделал композицию, которая удивила даже Мыльникову, и он сказал: «Этого человека надо принять». Хотя, когда мы писали сочинение... Вернее, до сочинения меня не допустили. Почему, не понял? Диктант мы писали. Меня вызвали и еще нацменов, потому что мы из других стран.

Е.О.: Да, из других республик.

Народный художник А.А. Мыльников с учениками. В.Д. табулинский стоит справа

В.Т.: И стали придирааться. Из-за этого не хотела администрация меня пустить. Мыльников сказал: «Он лучше всех этих ваших оценок в несколько раз! Этого человека нужно взять». Вот таким образом, благодаря ему, я поступил.

Е.О.: То есть он тебя высмотрел.

В.Т.: Он меня высмотрел, да. Взял. А потом второй раз высмотрел, когда я был на втором курсе у другого художника. Он как-то меня не очень любил, его отношение я чувствовал даже. Не очень приятно было переносить это, но я делал свое. Все время в общежитии на кровати, где угодно, в фойе, я рисовал, рисовал. В основном композицию, почему — не знаю. Занимался, любил композицию. Когда настало распределение всех, и отличников, и не отличников, по мастерским, меня спросил мой учитель: «Куда ты хочешь?» Я говорю: «Хочу к Мыльникову на монументалиста». В то время было очень модно монументальное искусство, мозаики... Конечно, я не знал этой тяжести, но хотел. «Ну, ладно». Тогда я пошел, нашел его и сказал: «Андрей Андреевич, посмотрите, пожалуйста, мои работы. Я только к вам хочу! Если не возьмете, уеду».

Он пришел, посмотрел. Я высыпал столько работ — и одни композиции. Не то, что там рисунок, фигня эта! Он говорит: «Да, я тебя беру. Я тебя беру, но с одним условием. У ребят спрошу своих, у которых ты будешь учиться, как этот парень вам нравится?» Когда он к ним обратился, они меня с большим удовольствием... «Заберем его!» Таким образом я попал в руки надежных людей и стал [учиться] у Мыльникова. Вот и все.

И началось! С первой работы до защиты диплома — одни пятерки! Все! Все формы работали, все, кроме рисунка. Рисунок у меня хромал. Я любил этого преподавателя, он хорошо [преподавал], но это как-то

не укладывалось в моей голове. Мне казалось, что рисунок должен быть иным. Королёв его фамилия (а я все равно пробивался, рисовал, рисовал), он мне ставил четверки, тройки. Но я все равно рисовал. Потом как-то пошел на рисунки подготовительные, много-много-много... И эти рисунки дали мне возможность лучше понять сущность рисунка. Когда я это стал делать чуть лучше, понял, что сделал ошибку, что не рисовал. И полюбил рисунок. Полюбил! А заставить себя любить, это очень важно. И начал рисовать, до сих пор рисую, рисую, и других учу, что главное — это рисунок. Там заложена пластика, там заложена композиция, там заложена красота, прежде всего, и свобода. Вот таким образом я поднимался все выше и выше. А благодаря цвету и рисунку я делал шикарные панно, картины. Я даже многим помогал защищать диплом. Они ничего не могли, со слезами приходили, говорили: «Помоги, Валера! Нарисуй мне вот эту композицию для диплома, иначе выгонят!» И я это делал запросто! За один день, за два дня. Большие холсты. И все проходило. Вот так.

Е.О.: Валера, а какая атмосфера была в академии, когда ты там учился? Это какие годы? Что происходило тогда?

В.Т.: Это 62-й — 67-й годы. Было очень хорошо. Единственно, что я не любил, это научный коммунизм, эстетика, те «измы», которые мешали, время отнимали. Это я не любил. Пришло время, оказался я прав, правильно делал. Никому это не нужно. Надо больше работать над тем, к чему тебя как бы Бог обязал. Раз ты художник, должен рисовать, писать. Это твое богатство. Вот и все. И сейчас я также делаю.

Е.О.: Это время называется «оттепелью», относительно вздохнули люди. Как раз те годы, когда ты учился.

Обнаженная натура

В.Т.: Вообще-то годы были разные. Конечно, были сложности. Финансовые сложности. Я подрабатывал. Потом политические сложности. Но я в политику не вмешивался, не любил политику, потому что это временное явление. Сегодня одна политика, завтра другая. Просто я наблюдал, изучал и думал, конечно. Но старался никого не оскорблять, ни тех, ни других. Так, соглашался иногда, когда выхода не было. Вот и все.

Е.О.: Когда ты уже был художник, на старших курсах, насколько приветствовалась свобода какая-то, твои идеи? Или были жесткие установки, только так и так — соцреализм. Или все-таки монументальное и декоративность...

Поиск художественного стиля

В.Т.: Сначала я не понимал, что такое монументальное. Я рисовал, компоновал, делал по-своему интересно, привлекательно. Но я хотел быть необычным, непохожим и независимым художником. Это важно было для меня. В принципе, я считаю, что добился этого. Не совсем, но получилось. Сейчас я свободно все делаю, и мне это доставляет огромную радость. И самое главное, я понял, что не надо делать работ, которые просто будут кучей стоять в углу.

Надо делать работы, чтобы они все время радовали не только твое личное сердце, но и постороннего человека. Тогда будет интересно.

Это все время меня волнует — быть необычным, нестандартным. И главное, никогда не делать по подсказке. Я анализировал подсказки, но делал все равно по-своему. Это для меня лучший вариант. Умение анализировать для меня было, и сейчас есть, такое личное богатство. Из ничего, благодаря композиции, можно сделать красивую вещь.

Е.О.: Валера, а твой цвет, такой яркий?

В.Т.: Он не был ярким.

Е.О.: Не был?

В.Т.: Не был, был гораздо спокойнее, как учили. В какой-то момент, когда стал членом союза в 75-м году, я понял, глядя на выставки, что похож на них на всех, и решил поправить эту ошибку. Это большая ошибка. Дело не в яркости. Кажется ярким, а на самом деле не ярко, это нормальное явление. Просто нужно уметь видеть, сочетать яркие цвета в гармонию друг с другом благодаря композиции. Потом пошли фактуры, которые стали обогащать содержание. То есть одно другое цепляет, цепляет, цепляет. И надо новенькое делать, свежее, необычное.

Недавно был в Москве, случайно повезло. Повез меня один человек посмотреть «русских амазонок». Посмотрел, удивился. А рядом был Дейнека, картина Дейнеки — через мост идут туда-сюда... И я думаю, что Дейнека — прекрасный художник! Но они, конечно, своим авангардом, преломлением, дают как раз мозгу хорошо раскручиваться, свободно. Эти женщины, которые учились у Пикассо, у Сезанна, у Матисса в 906-м году. И Малевич к ним примкнул. Я удивился: как же так?! Они ругались, ссорились. У меня есть книга, там письма. Но это нормальное явление — борьба за красоту. Вот и все. Поэтому я, так смело умеющий рисовать, решил сделать амазонку. Сейчас одна картина уже в хороших руках. Вторую думаю осенью выставить.

Но мне все нравится: и композиции, и многофигурные, и натюрморты, и пейзажи города. Я город вообще никогда не писал, когда учился! Чего тут, казалось, подумаешь, кирпичи, окна, асфальт, машины какие-то кондовые! Сейчас пришло другое время, и я на него другими глазами смотрю. Смотрю на него, и в воду, и что под водой, и в небе. Для меня город теперь такой необычный, красивый. Красивый город! Многие

не понимают этой красоты. Единственно, обидно душе становится, что трудно передать то наслаждение красотой, которая окружает людей.

Красное море

Вот мысль, которая до этих пор сидит во мне, — столп адмиралу Ушакову в воде. Я хочу сделать три столпа, но только на воде, по-другому. Это будет очень интересно. Это будет памятник, это будет красиво, это будет и по теме хорошо, и близко к Петербургу. Но старый Петербург мне не нравится тем, что это развалины. Я еще в училище писал развалюхи, заборы, решетки. Надо смотреть другими глазами на будущее, тогда будет хорошо.

Работа после окончания Академии

Е.О.: Валера, а как складывалась твоя творческая жизнь после окончания Академии художеств? Что происходило?

В.Т.: Я сразу пошел преподавать в Мухинское училище на три года. Но работать не мог, не было мастерской. Выкладывался до предела, там все отдавал. И главное, ко мне шли ученики из других классов. Я удивлялся: брал восемь человек, а было восемьдесят! Откуда?! «Нам нравится, как вы говорите, как вы рисуете». Не помню отказов, рисовал, помогал. Но мизерная зарплата заставила меня искать работу и выйти в жизнь по-другому. Я через почту нашел одну работу, вторую. И понял, что надо искать самому. Выполнять заказы: монументализм, роспись, витражи, сварной металл. Все могу! И пошла жизнь хорошая! Стали деньги настоящие. И начал ездить по городам: Архангельск, Калининград, Урал, Армения. В Армении четыре мозаики стоят. Они за мной прилетали на самолете, забрали меня, как воры. Говорят:

«Ты поедешь обязательно! Мы тебя обязательно возьмем. Давай паспорт и быстренько на самолет. Завтра мы тебя увезем». Так я попал в Армению.

Е.О.: И что там за мозаики были?

В.Т.: Большие: одиннадцать метров на пять. Пансионаты для детей. Там, в основном, бассейн: рыбы, люди, пловцы. А в монументальном искусстве рисование — мощный размах, фигуры большие, рыбы. И потом материал хороший — смальта. Я давал заявку, машина приходила, забирала столько, сколько я хотел, и везли в Армению. Туда привозили, и я делал.

Е.О.: Ты организовывал бригаду?

В.Т.: Делал до тех пор, пока землетрясение не произошло.

Землетрясение в Спитаке

Е.О.: Расскажи про землетрясение, как это было?

В.Т.: Землетрясение было в 11:20.

Е.О.: В Спитаке?

В.Т.: В Спитаке, да. Я его прошел, как чувствовал, что в последний раз его вижу. На базар зашел, в универмаг, в магазин, еще куда-то зашел. После этого пошел снимать свои работы. Пришел наверх, а там народ собрался, что-то они обсуждали. Они очень не ладили с турками.

 Я стоял в стороне, внутри круглого зала, и в этот момент поднялась вдруг земля, ожила, как живая. Все ринулись в окна, в двери. Молниеносно закрыли. Я видел, как один мужик по головам, чтобы спасти свою жизнь, пробежал и нырнул в дырку, в щель!

Но я как-то выбрался со всеми вместе спокойно. Ну, не спокойно, в давке, но вылез и по ступеням вниз на четвереньках дополз до последней ступени. И водой в лицо! Потом смотрю — земля в трещинах больших. Стало не по себе. В трещинах землю увидеть! Мы с другом были и решили — все, мы работу сделали, надо улетать. И все, не хочу больше вспоминать. То, что я видел, страшно!

Е.О.: Ты рассказывал, как вернулся, забрал документы из здания и выложил на бассейне их. Люди побросали сумки, все, выскочили из здания и сидели.

В.Т.: Были такие моменты.

Е.О.: Расскажи, это очень интересно.

В.Т.: Люди, когда землетрясение началось, бросали все, что в руках было. Мне пришлось собрать это все и принести прямо к бассейну и там разложить.

Е.О.: То есть ты вернулся в здание, собрал документы и выложил для людей?

В.Т.: Выложил на бассейн, да, сделал маленькое добро. Из шести моих мозаик четыре остались целы благодаря Спитаку. И все. Билет на самолет у меня уже был обратный, но самолета не было. Пришлось где-то нам ждать.

Е.О.: Ты еще рассказывал, мы как раз общались, когда ты вернулся оттуда, что шел по городу, и все лица были в пыли. И только глаза, черные глаза, полные страдания!

В.Т.: Ну да! Собственно, так и было. Потому что в тот момент я увидел город, который был в пыли и в огнях,

в огневых точках. Пыль оседала, человек покрывался пылью, только глаза оставались. Остальное все черное. Все полностью!

Е.О.: И ты поехал быстрее в Ереван, чтобы улететь?

В.Т.: Это дело случая, нам повезло. Просто мы говорим с товарищем: «Нам делать здесь больше нечего! Мы радости не принесем. Все погубило землетрясение». Шел таксист, мы ему сказали: «Заплатим! Давай в Ереван». Он посадил нас и помчался с огромной скоростью — я не видел, чтоб так машины ходили! Он был полусумасшедший! Он нас привез в центр. Первое, что мы сделали, остановились у аптеки, зашли в аптеку и сказали: «Там такая трагедия, нужно таблетки успокоительные!» Нам дали. Мы взяли таблетки и пошли в кафе. Там никого нет — тишина. По большому бокалу сока взяли, выпили таблетки. И потом только стали соображать, что делать дальше. Поехали прямо в аэропорт. В этот момент прилетел член Политбюро, сейчас я не помню его фамилию. Все полеты запретили, все запретили. Сказали: «Мы его ждали, он прилетел. Сейчас поедem туда, и он решит вопросы». Мы же пошли в кассу и стали говорить: «Как нам быть, что делать? Билеты есть?» Взяли еще билеты на Москву на всякий случай. И сидели, ждали, в кафе ходили и на лавочках ждали. И все.

Е.О.: Улетели?

В.Т.: Улетели тогда, когда пришел наш самолет из Санкт-Петербурга. Нам повезло! А эти билеты, нам сказали, прилетите в Петербург и в кассе сдадите. Так мы и сделали. Вот и все пока.

Е.О.: Но ты к этой теме никогда не возвращался? Не рисовал ничего? Ведь это такое серьезное было переживание.

В.Т.: Зачем травмировать человека, если он уже получил травму? Я видел, но я стараюсь забыть. Потому что нельзя напоминать об этих ужасах. Это ужасно, конечно!

Переход от монументального искусства к станковой живописи

Е.О.: Валера, а как твоя судьба складывалась, когда началась перестройка и уже не было таких заказов больших, монументальных? Что с тобой происходило в это время?

В.Т.: Открылись галереи на Невском, и свои лучшие работы, натюрморты, я там продавал.

Е.О.: То есть на станковую живопись перешел.

В.Т.: После этого перешел полностью на станковую живопись. И стал делать картины, натюрморты, портреты. В основном то, что нужно народу. И вот здесь стал лучше писать Петербург. Потребность появилась. И у людей появилась потребность показать город.

Е.О.: И были востребованы твои работы? Покупались?

В.Т.: В основном у иностранцев, немцев и англичан. Даже приходили ко мне домой и говорили: «Сделай мне это! Сделай мне это». В эти годы, примерно, четыре-пять лет, я их спокойно продавал. Приводил и продавал прямо дома на доллары. Или в этих галереях. Конечно, я изучал торговлю сбыта: как лучше, какие формы, какие размеры, как подать. Это все важно. Я делал большие работы. Даже в одной галерее поставил мольберт, на котором продавал большие пейзажи Петербурга. Они как-то, во-первых, украшали галерею, а во-вторых, на них больше было желающих.

Е.О.: Валера, ведь после перестройки появилась возможность ездить в разные страны. И, конечно, тебе как художнику, вероятно, это было интересно. Что-то можешь рассказать о своих поездках?

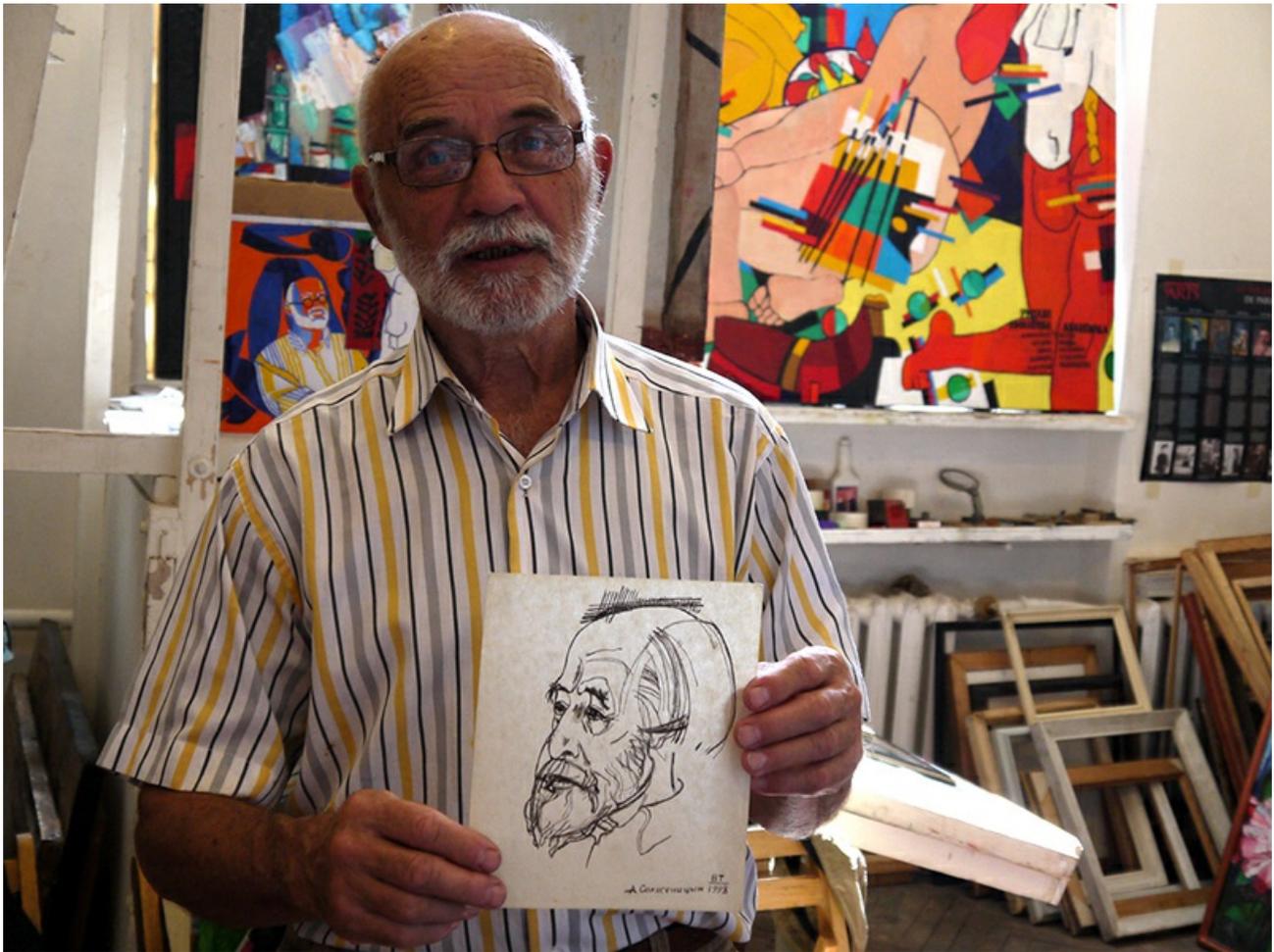
В.Т.: Да. Вот в 93-м году я сразу продал несколько больших работ, деньги появились. А продавались они у меня за доллары, и отношение было другое. Отношение в смысле русских рублей к доллару. Мы поехали и в Германию, и в Америку, в Канаду, в Голландию, в Испанию. Стали ездить через два года

примерно — интервал. Благодаря этим работам.

Е.О.: И какие впечатления были? Что происходило, когда ты уехал?

В.Т.: Для этого надо анализировать, увидеть и анализировать. И все время думать, почему у них вот здесь лучше, а у нас хуже. Это очень помогало. Я даже анализировал, почему эти работы уходили в России лучше, а эти здесь похуже. И это все вместе давало возможность изучать направления искусства. Особенно в Америке. Там у них очень много галерей. Тысячи. К одному поляку я пристроился, мне друг помог, американец. Сдал все мои работы и сказал: «Он будет продавать и тебе высылать домой». Вот этот поляк высылал где-то три года денежку. А потом, все! Прогорел. Мне непонятно, как он прогорел?! Может, это авантюра?

Е.О.: А в твоей живописи что-то менялось после этих поездок?

С портретом Солженицына

В.Т.: Конечно, менялось. Изменилось многое. На стене висит вот там плакат Пикассо. Этот период не случайно был взят, для того чтобы анализировать, чем заниматься и как заниматься. То есть, увидев работу великих художников, начинаешь думать иначе. Наша школа — хорошо, но все равно не надо забывать, что там тоже художники интересные. Много интересного делают. Но, самое главное, их под одну гребенку не утюжить. Они все время как-то выделялись. И это выделение заставило меня думать: почему они выделяются? Я был в Париже на Монмартре. Посмотрел разных художников: и русских, и американцев, и французов. Кто как рисует, как пишет, и делал свои выводы. Все, конечно, зависит от головы: уметь делать выводы правильные. Сейчас уже остановился, не стал ездить. Потому что уже

все почти увидел, и Китай видел, и Турцию, и Голландию, и Италию. Вот в Англию не допустили, правда. Ну, ничего!

Работа в Китае

Е.О.: Расскажи про Китай. Там долго ведь ты очень жил. Это была такая интересная поездка! Расскажи, пожалуйста.

В.Т.: Три месяца. Здесь была организация одного художника, который сколотил группу. Говорил: «Самые сильные художники едут, все будет обеспечено: мастерские, питание, все-все. Оплата за работы после выставки, которая будет устроена там». Мы поехали на берег Желтого моря, там был пансионат. Там жили, там же обедали. Все было так хорошо! Правда, я к такой пище не привык, потому что это чужая пища. Устрицы, креветки, всякие жареные жучки. Я решил, ем свое: мясо, картошка, молоко. Но, в общем, мне было все равно приятно. Мы ездили по Китаю, изучали, как там люди живут. Мне понравилось. Понравилась даже разговоры с китайцами. Что интересно, китайцы почти все говорят на русском. Откуда? Да, и мы поехали в Тибет, посмотрели все. Это далеко очень от Желтого моря. В Тибет и обратно. И сделали вывод, что они на правильном пути.

В это время... нет, это раньше было — переворот.

” Но они сохранили все хорошее, а все плохое постарались отодвинуть в сторону, чтобы не мешало им для жизни. Для жизни не мешало!

Там партии какие-то, но я не видел, не замечал этого. Но видел, что народ очень аккуратный. Все участки, все деревни ухоженные, удобренные. Все берегут. Эта их любовь к земле и отношение к людям меня удивляли. Хотя, говорят, что много народу, но хулиганов или пьяниц я вообще не видел. Не видел! Не знаю, говорят, китайцы не пьют, но был стол круглый, я забыл как по-китайски этот город на Желтом море. Нас пригласили за стол, за круглым столом было и вино, и напитки! Ничего! Пили все понемножку. А кто чуть-чуть лишнего перебирал, незаметно брали под руки и выводили.

Е.О.: Выводили?

В.Т.: Да. Не стеснясь, что мы здесь. Это было по-китайски сделано. Внизу стояла машина — и домой, отдыхай! Драк я не видел. Не было. А так все было.

Е.О.: Сколько картин ты там написал?

В.Т.: Я написал примерно тридцать. Больших.

Е.О.: За три месяца?

В.Т.: За три месяца, но вместе с женой. Я закладывал, делал эскизы, что меня и двигало. Я делал композиции, закладывал, рисовал. Говорил: «Вот здесь этой краской, здесь этой краской». Пятна. А я там разберусь! Это мне помогало. Во-первых, сохли холсты, готовые были. А я думал, как дальше быть. Но использовал и те рисунки, которые брал с собой. Использовал немножко. Сначала боязливо, потом уже стал увереннее. Вот, напротив, висит портрет и крабы. Это фрагмент картины.

Е.О.: Сейчас я ее покажу.

В.Т.: Вот здесь три картины: «Крабы», «Попугай» и «Китайка». Все на символах. В общем, у меня хорошие сложились отношения с ними, и я их полюбил. Интересно, что договор был заключен, договор был подписан, но деньги (я звонил) и картины куда-то исчезли.

Е.О.: То есть картины ты там оставил?

В.Т.: Была выставка, картины оставил, тридцать пять картин. Потом я здесь написал...

Е.О.: Эти картины уже написаны здесь? То есть ты оттуда не привез ничего?

В.Т.: Ничего.

Е.О.: А фотографии привез тех картин?

В.Т.: Фотографии? Нет. У меня не было фотоаппарата. Вот есть фотографии...

Е.О.: Оттуда?

В.Т.: Да. Это у моря. И лошадь. Это в Китае. Я просто покажу книгу. Они издали.

Е.О.: Мы потом сделаем снимочек этих картин. Валера, это все декоративные картины?

В.Т.: Получается так.

Е.О.: Скажи, пожалуйста, китайцы были заинтересованы именно в европейской живописи? Почему они вас приглашали?

Русские Амазонки

В.Т.: Хотели, наверное, поучиться у нас чему-то новому.

Е.О.: Я знаю, что сейчас много китайцев приезжает учиться у нас в Академию художеств.

В.Т.: Да. Вот они как раз и были на открытии выставки в Академии художеств. У Мыльникова, как раз у Мыльникова они все и были.

Е.О.: Учились?

В.Т.: Да.

Е.О.: А в каком году ты был в Китае?

В.Т.: В 2006-м. Три месяца.

Е.О.: То есть уже после всех этих событий?

В.Т.: Да, да.

Е.О.: Но они уничтожили свое искусство практически и заново его возрождают, да?

В.Т.: Возрождают.

Работа во время поездок в Египет и Турцию

Е.О.: Расскажи, пожалуйста, про последнюю поездку в Египет. Ты тоже там рисовал. У тебя свежие впечатления.

В.Т.: В Египте, конечно, если сам не будешь рисовать, никто не будет рисовать. Там никто не рисовал, кроме меня. Могу показать три работы, вот эскиз с Чарли Чаплиным.

Е.О.: Я потом покрупнее сниму их.

В.Т.: Это под навесом я сидел и делал. Вспомнил Матисса, это его как бы стиль. Такой египетский вариант. Просто освещенный дом и газон.

Е.О.: Ты их отложи, я сделаю фотографию потом. Чтобы можно было посмотреть.

В.Т.: Это очень красиво.

Е.О.: Ты рассказывал, что вез туда какие-то рисунки обнаженной натуры, и какие-то у тебя идеи возникли. Ты что-то компоновал. Расскажи поподробнее.

В.Т.: Ну, конечно, вот этот рисунок. Я его вез. Как бы две фигуры.

Е.О.: У тебя уже дома какая-то была идея? Или ты просто по наитию взял эти рисунки?

В.Т.: Рисунки я взял, потому что там никто позировать не будет. А когда они под руками, они тебя заставляют работать.

Е.О.: Ах, вот как. Стимулирующее что-то?

В.Т.: Используя море, я делаю такое: обнаженная в море. Такого еще не было. С рыбами. Вот они, эти обнаженные, которые потом перешли в картину. Вот эта у меня с рыбами где-то есть. Все пятиминутные зарисовки здесь. Это все материал, который помогал...

Е.О.: Вдохновиться...

В.Т.: ...на будущие картины. Дома делал эскизы.

Е.О.: Я вижу, у тебя уже картина в процессе, висит на холсте.

В.Т.: Сначала я делал рыб и море, а потом эти обнаженные, которые я сейчас показывал. Одна и вторая. Среди них в море плавают рыбы. Получилась картина. Здесь просто рыбы, а здесь — картина. Потихоньку

одно другому помогало.

Е.О.: Валера, а что начато у тебя на холсте? Большая картина? Это тоже египетские впечатления?

В.Т.: Да. Она как раз потихоньку созревала. Сначала я увидел там амфитеатр, черная стена и амфитеатр. И изображен Чарли Чаплин с мальчиком. Я много дней ходил, наблюдал, ходил к морю купаться, загорать и массажировать ноги. Потом стал думать: «А ведь у меня есть рисунки». Взял рисунки, смотрю, одна [фигура] точно села на то положение, которое способствовало рождению... Вот она! Сидит на квадратном барабане, и есть амфитеатр, и Чарли Чаплин с мальчиком. Да, чернота где-то немножко тормозила, и сейчас я пришел к тому, что надо сделать красное море. Это было все на Красном море. И тут уже я в процессе работы, она идет.

Е.О.: Уже красный цвет появляется.

В.Т.: Уже и красный цвет, и форма. А вот это символ, просто он не законченный. Сверху надо сделать розетку такую, египетскую, символ Египта. А это песок, с одной стороны море, и с другой стороны море. И содержание: любопытство, искушение, рыбы — это богатство, которое я увидел там.

Можно много рассказывать еще интересного.

Ездить, и видеть, и создавать — это лучше, чем сидеть и придумывать. Никогда лучше не сделаешь того, что увидишь своими глазами. Натюрморт, или человека, или ситуацию. Я даже за десять долларов в Турции пошел в турецкую баню и сделал прямо с натуры. Одного я не знал, что в этой турецкой бане, она же парная, бумага мокнет и кривится, и рисовать надо по кривой. Вот здесь-то я и попался.

Но у меня голова хорошо соображает, я сделал жесткую подкладку и взял уголь. И углем аккуратненько взял и нарисовал. Вот этот — внутри бани, как массируют его, натирают. 7-й год. Вот другой, то же самое. Это все мокрое было. Но я перешел с сангины на уголь.

Е.О.: 2007-й? Это в Турции? Да, массажист, вижу.

В.Т.: Он все время смотрел на меня. А вокруг куски пены, я все собираюсь картину такую написать. Он так и смотрит на меня. Раз смотрит, чего же мне... Дело не в десяти долларах, дело в том, куда я ходил и что сделал. Это дороже намного. Сейчас зреет тот момент, когда, может быть, я и напишу большую картину. Не маленькую, а большую картину «Турецкие бани». Это будет интересно.

Е.О.: Валера, скажи, пожалуйста, ты с Мильниковым потом еще встречался, как-то общался? Какие-то свои работы ему показывал?

В.Т.: Я с ним общался тогда раза три-четыре, приходил на дни рождения прямо домой. Он подписал мне книгу.

Е.О.: Он следил за твоими успехами? Все-таки ты ученик его!

В.Т.: Ну, конечно, на выставках наблюдал, как я расту. Некоторые мои сподвижники, художники, которые преподавали, вернее, сейчас преподают, сказали, что я стал абстракционистом. Не знаю. Мне кажется, реальнее того, что я делаю, нет! Вот лес, пожалуйста! Один, второй... Вот лес красный, если соединишь, будет композиция. Лес будет в пространстве, и не в квадрате, а вытянутый, из двух частей. И с фактурой. С фактурой, потому что лес же — это поверхность, кора. Это же красиво! А то, что зеленое — это клюква растет. Лес не шишкинский. Там тоже хорошо, но то время ушло. Здесь по-другому — праздничный лес. Вот за это я его и любил.

Е.О.: Ну что, на сегодня, наверно, закончим?

В.Т.: Я не хотел отнимать время, но надо как-то показывать людям иную красоту и по-другому.